

Прошлый 1992 год стал юбилейным без юбилея. Александру Валентиновичу Вампилову исполнилось бы 19 августа 55 лет, а 17 августа — 20 лет со дня смерти.

Странно и страшно думать об этом. Страшно — потому что судьба была к нему редко справедлива, а странно — потому что судьбе было угодно оставить самую светлую и веселую память о нем. Остались пьесы, которые довольно долго шли, да и сейчас еще идут, правда, мало. И подчас обидно то пренебрежение, которое выказывают театры к его творчеству. Но есть надежда, что интерес к нему снова проявится.

«Экран и сцена» предлагает вниманию читателей один из дневниковых вариантов пьесы «Кладбище слов», мысли и герои которой позже вошли в «Утиную охоту» и в незаконченную последнюю пьесу «Несравненный Наконечников».

Ольга ВАМПИЛОВА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Кузакова. В углу низкая тахта, журнальный столик и два кресла. У правой стены сервант, на нем проигрыватель и большой портрет красивой молодой женщины. Выше на стене фотография из журнала — портрет певца Магомаева. Прямо перед глазами яркая портрета во всю стену. Остальные две стены и потолок покрашены в разные цвета. Входная дверь слева, она же — дверь на кухню. Справа дверь в другую комнату. Все это освещено причудливого вида торшером, стоящим посреди комнаты.

Слышен звук отпираемого засова. Появляется Кузаков. Он в армейской форме, в руках у него чемодан.

Застывши на пороге, он долго и с удивлением разглядывает комнату. Затем медленно, как-то даже боязливо, ставит чемодан на пол, осторожными шагами обходит комнату, берет в руки портрет женщины, некоторое время разглядывает его и ставит портрет на место. На глаза ему попадает фотография певца Магомаева, он смотрит на нее с изумлением. Потом он снова обходит комнату, осторожно садится на тахту, изучающе проводит по ней рукой, сидя, слегка подпрыгивает, вдруг вскакивает и резким движением отдергивает портрета — открываются бревенчатая побеленная стена и обшарпанное окошко.

Некоторое время он стоит неподвижно. Затем подходит к серванту, снова берет портрет, садится в кресло и долго, внимательно, с тревогой всматривается в лицо женщины.

Негромко звучит незатейливый лирический мотив, исполняемый на кларнете. Свет на сцене медленно гаснет. В полной темноте поворачивается круг, и свет так же медленно загорается.

Та же комната, но совсем другая обстановка. Вместо тахты — никелированная кровать, вместо серванта — старый комод, на котором стоят громоздкие часы и мирно пасется целое стадо фарфоровых слоников. На стене место певца Магомаева занимает большая старая фотография, изображающая семью Кузаковых: мать, сидящую на стуле, на ее коленях пятилетнего сына, и отца, который стоит позади и держится за спинку стула.

КУЗАКОВ и ГАЛИНА прощаются. На нем солдатская шинель.

КУЗАКОВ. Ну вот. Конец отпуску. Присядем.

Молча усаживаются.

ГАЛИНА. Что же мне делать? Ты так и не сказал.

КУЗАКОВ. А что я скажу? Я не знаю. Думай сама.

ГАЛИНА. Я боюсь. Телевизор весь город смотрит — подумают только.

КУЗАКОВ. Не знаю, Галка. Платят они неплохо, работа чистая, женская. Как надумаешь, так и будет.

ГАЛИНА. А если так: из яслей уйду и там ничего не выйдет?

КУЗАКОВ. Да нет, пусть дают гарантию.

ГАЛИНА. Боюсь... Этот дядечка, ну тот, который меня нашел, он мне сказал, что они все институты перевернули, всю самостоятельность, пока нашли жемчужное зерно. Это про меня. Так и сказал.

КУЗАКОВ. Ты у меня — вообще... Я ребятам твои фото показывал — что было!

ГАЛИНА. А я ему говорю: у меня нет никакого образования, десять классов — и все. А он мне: зато у вас есть голос и обаяние. Образование вам, говорит, не понадобится.

КУЗАКОВ (забеспокоился). Слушай, а может, он клинья подбивает, а?

ГАЛИНА. Ну что ты. Ему уже лет под пятьдесят. Да и глупости все это. Ты ведь знаешь.

КУЗАКОВ. Ну, смотри. Делай, как тебе лучше (Взглянул на часы). Ну вот... пора. (Поднялся).

ГАЛИНА. Ты возьми один ключ. Возьми с собой.

КУЗАКОВ. Зачем мне ключ?

ГАЛИНА. Я буду ждать тебя каждый день.

Они обнялись.

КУЗАКОВ. Чудная. Раньше мая не вернусь все равно. Ну ладно, ладно. Много ждала, немного подождешь. Пару лет отпахал, а теперь как-нибудь... Отмахнемся.

ГАЛИНА. Подожди. Если на этот раз у нас будет ребенок... Слышишь?

Александр ВАМПИЛОВ

КЛАДБИЩЕ

КУЗАКОВ. Сын. На меньшее я не согласен. А что — уже?

ГАЛИНА. Нет... Не знаю...

КУЗАКОВ. Если что — отбей мне телеграмму.

ГАЛИНА. Телеграмму? С ума сошел. Как же ее отобьешь, телеграмму?

КУЗАКОВ. А просто: «Все в порядке. Жена».

ГАЛИНА. Да ну тебя.

КУЗАКОВ. Говорю тебе, телеграмму. И никаких! Ну прощай.

Свет медленно гаснет, музыка затихает, поворачивается круг, и свет медленно загорается.

Кузаков сидит в кресле с портретом жены в руках. Затем он направляется в другую комнату и зажигает там свет. Перед нами небольшая комнатка, предназначенная, по-видимому, для спальни. Но она сейчас заставлена старой мебелью. Здесь и никелированная кровать, и комод, и слоны на комод, и громоздкие настольные часы. Кузаков, остановившись в дверях, попеременно рассматривает обе комнаты, после чего входит в спальню, падает на кровать и лежит некоторое время, глядя в потолок.

Но вот он что-то услышал, вскочил, выбежал в сени и через мгновение вернулся вместе с Валерией, стюардессой лет двадцати шести. Валерия сунула ему в руки плащ. Молча уселась в кресло, достала сигареты, закурила.

КУЗАКОВ. Вы к Галке, верно? Когда она придет, вы не знаете?

ВАЛЕРИЯ. Я думала, она дома.

КУЗАКОВ. Когда у нее кончается работа?

ВАЛЕРИЯ. Когда как. Не знаю. Извините, а вы кто, собственно, будете?

КУЗАКОВ. Я? Я ей муж... Вроде бы так.

ВАЛЕРИЯ. Муж? Ах, муж! Совсем забыла, что у нее есть муж. Да унесите вы плащ. (Кузаков уносит плащ и возвращается.) Но она говорила, что ее муж лейтенант.

КУЗАКОВ. Лейтенант?

ВАЛЕРИЯ (с усмешкой). Что, вас уже разжаловали?

КУЗАКОВ. Но я никогда не был лейтенантом.

ВАЛЕРИЯ. Ну не знаю. Значит, у нее есть еще один муж. Лейтенант. (Кузаков молчит. Он растерян, удивлен.) А что тут удивительного? Вам можно, а нам нельзя — так что ли?

Стук в дверь. Появляются Егор Брянский и Саяпин. Егор Брянский — молодой уже человек, с седой в волосах и бороде, невысокий, чуть сутулый, в очках, с клюшкой в руке. Саяпин — высокий, крепкого сложения, красивый, но угрюмого вида парень.

БРЯНСКИЙ (стучит клюшкой об пол). Водки!

Брянский снимает плащ, шляпу и бросает их на пол. Саяпин следует его примеру, однако свою куртку он довольно бережно укладывает на одежду друга. На шее у Саяпина остался яркий, весьма похожий на женский, старый шарф, который он, по-видимому, никогда не снимает. Брянский подходит к Валерии, целует ей руку.

ВАЛЕРИЯ. Ну? Вырвался?

БРЯНСКИЙ. Я ее покинул. Покинул, как всегда.

ВАЛЕРИЯ. Ты доиграешься, она подаст на тебя в суд.

БРЯНСКИЙ. Лера, прошу тебя, не говори так о моей жене. Она добрая, несчастная женщина.

ВАЛЕРИЯ. Дура она, дура.

БРЯНСКИЙ. Прекрати, она благородный человек. Она никогда не пойдет по инстанциям. А теперь познакомься: Вадим Саяпин. Мой друг и гениальный художник.

ВАЛЕРИЯ. Очень приятно. (Саяпин кивает).

БРЯНСКИЙ (прошелся по комнате). Водки! Есть в этом доме водка?

ВАЛЕРИЯ. Ты — уже. Завелся. Опять на неделю?

БРЯНСКИЙ. Вздор! Мне все простят. В этом городе нет ни одного человека, который мог бы связать пару слов. По микрофону, разумеется. В этом городе я король, нет, не король, я император — император репортажа. (Прощается). Водки!

ВАЛЕРИЯ. Не рычи. Познакомься с Галкиным мужем.

БРЯНСКИЙ. Что? Ага... Весьма охотно. (Протягивает руку). Егор Брянский.

КУЗАКОВ. Петр.

БРЯНСКИЙ. Петр? Для мужа это неплохое имя.

КУЗАКОВ. Какое есть.

БРЯНСКИЙ. Совсем даже неплохое. А, Саяпин?

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ. Нехорошо, Петр. Я давно вам это хотел сказать: нехорошо. Вы длительное время скрывали от нас свою жену, а это нехорошо. Не возражайте, Петр, красота не может принадлежать одному человеку. Красота всегда была достоянием публики.

ВАЛЕРИЯ (Саяпину). Вы студент?

САЯПИН. Нет. Не числюсь.

ВАЛЕРИЯ. Закончили?

САЯПИН. Не полностью.

БРЯНСКИЙ. Он человек ограниченный. Но он гений. Гений, и ничего с этим не поделаешь! (Прощается). А что, Петр, нет ли у вас на доньшке?

Кузаков открыл свой чемодан, достал банку консервов, несколько яблок, бутылку.

БРЯНСКИЙ (взял бутылку). Петр, я в тебе не ошибся. Ты святой, настоящий святой.

Входит Галина, жена Кузакова.

ГАЛИНА. Лера, привет! Егор, салют! (Увидела Кузакова). А, приехал. (Быстро подошла к нему, поцеловала мельком). Все благополучно? Ну и хорошо. (Брянскому). Егор, тебя сегодня искали, ты был нужен.

БРЯНСКИЙ. Я им всегда нужен. Но самому себе иногда я тоже нужен, так им и передай.

ВАЛЕРИЯ (Галине). Его выгонят.

ГАЛИНА. Егора? Никогда.

БРЯНСКИЙ. Галочка, волшебница, обрати внимание: Вадим Саяпин. Гениальный поэт.

ГАЛИНА. Галина.

САЯПИН. Саяпин.

БРЯНСКИЙ (наливает всем водки). Он дьявольски гениален, я счастлив, что пью с ним водку. (Саяпину). Не возражай, ты ничего в этом не понимаешь.

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ (поднимает стакан). За тебя, Саяпин! (Всем). За него!

Все, кроме Кузакова, пьют. Галина, стоя у окна, незаметно задерживает шторм.

ВАЛЕРИЯ (Кузакову). А вы? Почему вы не пьете?

КУЗАКОВ. Мне что-то не хочется.

БРЯНСКИЙ. Я говорю, он святой.

ГАЛИНА. Он выпьет, не волнуйтесь.

ВАЛЕРИЯ. Мы и не волнуемся. Тут никто не волнуется. Кто сейчас волнуется, так это — дура, его жена. Представляю!

БРЯНСКИЙ. Лера, когда я научу тебя уважать мою жену!

ВАЛЕРИЯ. А ты ее уважаешь?

БРЯНСКИЙ. Да, уважаю. Она святой человек.

ВАЛЕРИЯ (всем). Слышали? (Брянскому). Может, ты, скажешь, что ты ее любишь?

БРЯНСКИЙ. Да. Я люблю свою жену. И тебя люблю. (Всем о Валерии). Я очень люблю эту де-